
И. О. ТЮМЕНЦЕВ

Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына

«История в память предыдущим родом...» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына является одним из наиболее известных сочинений о Смутном времени в России начала XVII столетия. Написанное очевидцем, оно содержит уникальные данные о том трагическом для русского народа времени. Именно поэтому памятник давно и широко используется историками Смуты.

В 40-х гг. XIX в. Д. П. Голохвастов и А. В. Горский доказали, что в работе над «Историей» Авраамий Палицын использовал свои ранние сочинения, написанные еще во время Смуты: «Сказание киих ради грех наказал Господь Бог Россию», «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря поляками и тушинцами», «Сказание о разорении Москвы поляками», «Сказание об избрании царем М. Ф. Романова» и «Сказание о приходе к Москве королевича Владислава». ¹ Гипотеза была принята большинством историков и литературоведов. Исследователи высказали предположение, что в работе над «Сказанием об осаде», которое составляет ядро «Истории», келарь широко использовал дневниковые или летописные записи защитников монастыря, дополнив их сведениями, взятыми из документов той поры, воспоминаний очевидцев, и украсив заимствованиями из «Повести о взятии Царьграда турками», «Казанской истории», поучениями из книг Святого Писания и творений отцов церкви. ² Длительные бурные споры в литературе вызвали вопросы датировки и атрибуции «Сказания киих ради грех наказал Господь Бог Россию» — первых шести глав Авраамия Палицына, тогда как другие ранние произведения троцкого келаря вызвали лишь отдельные высказывания. ³ Доверие к произведению Авраамия Палицына как историческому источнику пошатнулось. Он даже не был вклю-

¹ Голохвастов Д. П. Замечания об осаде Троице-Сергиевой лавры // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 7; Горский А. В. Возражения против «Замечаний об осаде Троице-Сергиевой лавры» // Там же. Ч. 6. № 12.

² Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 95—249, 47—48.

³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII ст. как исторический источник. СПб., 1913. С. 223—224; Л ю б о м и р о в П. Г. Новая редакция «Сказания А. Палицына» // Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 240—241; Васенко П. Г. Две редакции первых шести глав «Сказания Авраамия Палицына» // ЛЗАК за 1919—1922 гг. Пг., 1923. С. 33—38; Д е р ж а в и н а О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 32—33; К а ш к а р о в Ю. Кто был автором первых шести глав «Сказания Авраамия Палицына»? // Филологические науки. 1964. № 4; С о л о д к и н Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 300; М о р о з о в а Л. Е. Вопросы авторства и датировки «Сказания Авраамия Палицына» // АЕ за 1983 г. М., 1984. С. 84.

чен С. Ф. Платоновым в первое издание 13-го тома «Русской исторической библиотеки», хотя ни одно сочинение о Смуте без обращения к нему по-прежнему не обходилось.⁴

Во второй половине прошлого века О. А. Державина и Я. Г. Солодкин описали и систематизировали более 200 списков «Истории» Авраамия Палицына. Я. Г. Солодкин установил, что ранняя редакция произведения представлена древнейшим списком — Румянцевским. Все остальные восходят к более поздним — Забелинской, Неавторской и Соловецкой редакциям. Румянцевский список был положен в основу двух научных публикаций «Истории».⁵

Исследуя творчество Авраамия Палицына, Л. Е. Морозова и И. М. Промахина высказали предположение, что первоначальная редакция «Сказания об осаде» сохранилась в рукописи РГБ, ф. 173, собр. МДА, № 202, в которой имеется текст 7—56-й глав «Истории» Авраамия Палицына, на том основании, что список имеет некоторые атрибуты самостоятельного произведения: в названии отсутствует имя Авраамия Палицына, есть предисловие и главы не пронумерованы.⁶ Анализ рукописи РГБ обнаруживает, что, вопреки утверждениям исследовательниц, имя келаря указано и в заглавии, и в оглавлении. В главах «о явлении чудотворца Сергия» и «о явлении чудотворца на Москве с хлебы» во взаимных ссылках имеется сбой в нумерации, который соответствует поздней Забелинской редакции «Истории» Авраамия Палицына. В некоторых списках этой редакции первая глава названа «Предисловием», а сквозная нумерация глав отсутствует. Сопоставление текста списка с печатным показывает, что «Сказание об осаде» в рукописи МДА 202 является извлечением из поздней Забелинской редакции «Истории» Авраамия Палицына.⁷

Помимо рукописи МДА 202 выявлены еще три рукописи, в которых помещено только «Сказание об осаде». Имеются в виду рукописи ГИМ, Музейной собр., № 1278; РНБ, собр. Титова, № 4048 и РНБ, Эрмитажное собр., № 527. В списке ГИМ глава об оскудении казны изложена во второй редакции, что является отличительным признаком поздней Неавторской редакции «Истории» Авраамия Палицына, поэтому список ГИМ, по всей видимости, является извлечением из этой редакции памятника. К той же редакции восходит дефектный список Тит. 4048, что подтверждается нумерацией некоторых глав, ссылкой на отсутствующую 55-ю главу. Список Эрм. 527, по всей видимости, — копия отрывка Забелинской редакции «Истории», об этом говорят названия и нумерация некоторых глав, ссылка на утраченную 55-ю главу и разночтения с Румянцевским списком (РГБ, собр. Румянцева, № 229).⁸ Таким образом, ни один из списков «Сказания об осаде» нельзя признать ранним, все они являются извлечениями или дефектными списками поздних редакций «Истории» Авраамия Палицына.

В библиотеке Троице-Сергиева монастыря в 1653 г. хранилась «Книга в полдесь, осадное сидение Троицкого Сергеева монастыря, по обрезу золочена, за-

⁴ РИБ. СПб., 1891. Т. 13.

⁵ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 72—92; Солодкин Я. Г. Редакции «Истории» Авраамия Палицына // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 227—236. Помимо указанных исследователями нами выявлены и проанализированы списки Отдела рукописей Центральной научной библиотеки Национальной Академии наук Украины в Киеве (ОР ЦНБАН), собр. Киевской ДА, F VIII 123/75, 125 M/143, 126 M/62, Ф 30, № 101; РГАДА, ф. 381, Сааровское собр., оп. 1, № 350.

⁶ Морозова Л. Е., Промахина И. М. Изучение авторского стиля «Сказания» Авраамия Палицына с помощью количественных методов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983. С. 83.

⁷ Ср.: МДА 202, л. 1, 3, 99 об., 102 об., 125 об.; РНБ, собр. Погодина, № 1505.

⁸ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 77; Тит 4048, л. 216, 224, 229—232; Эрм. 527, л. 2 об., 32—34, 51, 54.

стежки медные, оболочена кожей красной дачи келаря старца Авраамия Палицына». Впоследствии рукопись пропала. Древнейший список «Истории» — рукопись Рум. 299 — имеет все признаки, указанные в описи 1653 г. Текст памятника написан на листах в четверку с золоченым обрезом в переплете из красной кожи с медными застевками. О. А. Державина, выполнившая научное описание рукописи, датировала филигранные бумаги концом XVI—20-ми гг. XVII в.⁹ Изданные после выхода работы О. А. Державиной альбомы филигранных Т. В. Дяновой и Л. М. Костюхиной (1980, 1988) позволяют уточнить наблюдение исследовательницы. В результате сплошного обследования листов рукописи нам удалось установить, что текст «Истории» написан на однородной бумаге с филигранями кувшин с буквами СВН, близкими к *Дианова*, *Костюхина*, II, № 620, 665, 674 — все 1617 г. Исключение составляет только первый лист — филигрань «герб Ярославля XVIII в.», который свидетельствует, что два века назад переплет был подновлен. Рукопись украшена заставками и написана полууставом, очень близким к почерку и заставкам «Шестодневца» Авраамия Палицына, подаренного келарем библиотеке монастыря. Обе рукописи явно происходят из одной книгописной мастерской.¹⁰ Все вышеизложенные факты дают основание предположить, что анализируемая рукопись является оригиналом, который написан под руководством Авраамия Палицына в Троицкой книгописной мастерской в 1617—1619 гг. Именно этот список необходимо использовать при изучении как «Сказания об осаде», так и «Истории» в целом.

В Румянцевском списке богатыми заставками украшены первые страницы глав 1, 7, 71. И это понятно, именно с этих глав начинались ранние произведения, использованные Авраамием Палицыным в работе над «Историей»: «Сказание киих ради грех попусти Господь Бог свое праведное наказание» (1—6-я главы), «Сказание об осаде» (7—56-я главы) и «Сказание об избрании Михаила Романова царем». Однако самой богатой заставкой украшен первый лист 9-й главы «Истории» (3-й главы «Сказания об осаде»)?! Название главы сходно с названием одного из известнейших литературных произведений конца XVI в. — «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»:¹¹

Повѣсть о прихождении литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псковъ (С. 400).

Сказание о пришествии под Троицкой Сергиев монастырь польских и литовских людей и русских изменников, гетмана Петра Салеги да пана Александра Лисовского а иных многих панов (С. 132).

Первые строки названия, как видно из приведенного сопоставления, представляют собой типичный для литературы той поры пролог, аналогичный прологу «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков».¹²

Повесть

Бѣ же сие в лѣто 7085-го, во царство благовѣрнаго и христоролюбивого государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Русии самодержца и при благовѣрных его царевичех... (С. 400).

История

В лето 7177-ое, в царство благовернаго и христоролюбиваго царя и великого князя Василна Ивановича всея Русии и при святѣйшем патриархе Еρμοгене Московском и всея Русии... (С. 132).

⁹ Опись книг библиотеки Троице-Сергиевой лавры 1653 г. // ЧОИДР. 1848. Кн. 6. С. 12; ОР РГБ, собр. Румянцева, № 299; Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 72—73.

¹⁰ Рум. 299; РГБ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 69. См. например: л. 16, 24, 28, 43, 181.

¹¹ Рум. 299, л. 8, 51, 59, 208; ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 400; Сказание Авраамия Палицына. С. 132. Публикуя рукопись, О. А. Державина и Е. В. Колосова ошибочно указали, что заставка первого листа 9-й главы является началом «Сказания об осаде» (Там же. С. 104—105).

¹² ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 400; Сказание Авраамия Палицына. С. 132.

Сделанные наблюдения дают основания предположить, что в работе над «Сказанием об осаде» (7—56-я главы) Авраамий Палицын использовал более раннее произведение — «Сказание о приходе поляков и русских изменников под Троице-Сергиев монастырь», которое, по-видимому, начиналось с 9-й главы «Истории» и завершалось, судя по всему, «Словом благодарственным» (глава 52) — типичным для произведения этого жанра заключением. Это наблюдение позволяет разрешить давний спор Д. П. Голохвастова и А. В. Горского о том, какой главой завершалось «Сказание об осаде».¹³

Гипотезу об использовании Авраамием Палицыным дневниковых записей можно проверить с помощью источников, которые, в отличие от «Сказания», написаны непосредственно во время обороны Троицы участниками событий — как осажденными, так и их противниками. Имеются в виду более 20 подлинных посланий из осажденного монастыря в Москву и «Дневник» гетмана Я. П. Сапеги, командовавшего тушинскими отрядами под Троицей. Послания представляют собой «Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря» — краткую сводку боевых действий за первые полгода обороны крепости, официальные донесения воевод Василию Шуйскому за январь, март, апрель и июль 1609 г. с подклеенными к ним расспросными речами пленных, перебежчиков и челобитными дворян, грамоты монахов царю, направленные в июле и декабре 1609 г., а также частные письма разных лиц в столицу, написанные в январе—июле 1609 г., среди которых особый интерес представляют 5 отписок Авраамии Палицыну.¹⁴ «Дневник» содержит краткие ежедневные записи, которые в 1608—1609 гг. делали в лагере под Троицей секретари Я. П. Сапеги.¹⁵ Сопоставление данных этих источников, отразивших разные политические тенденции, позволяет установить точную хронологию событий обороны Троицы и проанализировать их отражение в «Истории», т. е. выяснить, действительно ли Авраамий Палицын использовал в своей работе дневниковые записи защитников Троице-Сергиева монастыря.

Текстологический анализ 9—16-й глав «Истории» обнаруживает, что заимствования из литературных произведений разрывают первоначальный текст с достоверной информацией дневникового характера, о чем свидетельствуют многочисленные дуближи и несуразности. К примеру, глава 9 заканчивается строками: «и ко обители пути вся заняли, и никомудо минути мимо их не возможно в дом и из дому чудотворца». Затем в конце 12-й главы, после пространных недостоверных описаний, заимствованных из литературных источников, повторяются строки о полной блокаде обители: «И тогда литовские люди уставивши сторожи многыа около града Троицкого монастыря и небысть проходу во град и ни из града». Далее глава 13-я начинается словами: «Того же году в 29 день...», затем следует вставка из литературного источника, завершающаяся строками с достоверными сведениями: «...в 29 день прислаша во град Троицкой Сергиев монастырь сына боярсково Безсона Руготи(на) с листом». В главе 14 весьма точное описание производимых тушинцами осадных работ перемежается вставками о легендарном приступе и шестинедельном артобстреле. Глава 16 вновь содержит короткие достоверные записи дневникового характера о строительстве рва и подкопа и т. д.¹⁶ Казалось бы, гипотеза исследователей об исполь-

¹³ Голохвастов Д. П. Замечания... С. 126; Горский А. В. Возражения... С. 421.

¹⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 181, 182, 240—242; Сборник Хилкова. СПб., 1879. № 14, 18, 34, 35, 37—39, 42; История русского языка и литературы. М., 1982. С. 324—325 (оригиналы хранятся в Архиве СПбИИ РАН, колл. 145 и 124. Здесь находится единственное неопубликованное письмо К. Биликя дьяку М. Поздееву, см.: Архив СПбИИ, колл. 124 (собр. С. В. Соловьева), оп. 1, ед. хр. 349, карт. 2); Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAU PAN). Ms. 360, K. 610, 626.

¹⁵ Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901.

¹⁶ Сказание Авраамия Палицына. С. 132—140.

зовании Авраамием Палицыным троицких летописных материалов находит подтверждение. Но это впечатление обманчиво. Проверка показала, что у Палицына более или менее точны только 6 из 25 датировок событий обороны Троицы. Это даты начала осады, первого совещания тушинцев, закладки подкопного рва, измены слуги О. Селевина, захвата защитниками крепости вражеской артиллерии и вылазки троицких ратных к Верхнему пруду 24 октября 1608 г. Причем сообщения о закладке рва, измене слуги и вылазке к Верхнему пруду датированы по принятому у поляков-тушинцев григорианскому, а не использовавшемуся в Троице юлианскому календарю.¹⁷ Все остальные даты событий обороны монастыря абсолютно недостоверны. К примеру, первую вылазку из монастыря Авраамий Палицын датирует 23 сентября 1608 г., согласно же «Дневнику» и «Выписи вылазкам», она была сделана 8 октября. Установку тушинцами артиллерийских орудий, второй и третий приступы к монастырю келарь датировал соответственно 30 сентября 1608 г., 25 мая и 31 июля 1609 г., тогда как из «Дневника» и писем следует, что эти события произошли 6 октября 1608 г., 28 июня и 28 июля 1609 г.¹⁸ Кроме того, сопоставление обнаруживает, что в «Сказании» Авраамий Палицын неоднократно неверно излагал последовательность событий. Например, об отправке Яном Сапегой грамот в монастырь с требованием сдаться келарь сообщил после совещания полковников 29 сентября 1608 г., тогда как в действительности ультиматум предъявлялся дважды, 24 и 25 сентября 1608 г., т. е. до этого совещания. О захвате защитниками Троицы вражеской артиллерии автор «Сказания» написал после рассказа об уничтожении осажденными подкопа и датировал эти события 9 ноября 1608 г., но, как свидетельствует «Выпись», пушки были отбиты 9-го, а подкоп взорван 11 ноября 1608 г. Приступ 1 ноября и захват пушек 9 ноября 1608 г. Авраамий Палицын описал дважды.¹⁹ Все эти факты не подтверждают гипотезы об использовании Авраамием Палицыным дневниковых или летописных записей защитников Троицы. Они полностью соответствуют тому, что келарь рассказал о своей работе над произведением в предисловии к «Сказанию об осаде» (7-я глава «Истории»). Здесь Авраамий Палицын прямо говорит, что сведения об истории обороны Троице-Сергиева монастыря почерпнул из письменных воспоминаний очевидцев, главным образом монахов, которые он собрал и переработал в монастыре после разгрома тушинцев и которым, по-видимому, попытался придать вид летописного повествования. В тексте памятника неоднократно встречаются указания на информаторов келаря, причем не только монахов, но и бывших тушинцев.²⁰ Вероятно, ко времени работы Авраамия Палицына они многое уже успели забыть, и келарь не стремился и не мог восстановить в своем сочинении реальной последовательности событий.

Критический анализ данных «Сказания», которые не подтверждаются показаниями других источников, позволяет продолжить наблюдение над принципом отбора и обработки Авраамием Палицыным источников. Сомнения вызывают сообщения келаря об уничтожении слобод и служб вокруг монастыря, об успешной вылазке навстречу приближающемуся врагу в первый день обороны 23 сентября 1608 г. Слободы и службы были частью сожжены в первый приход А. Лисовского, частью остались целы, а первая вылазка из монастыря была сде-

¹⁷ Там же. С. 132, 134, 140, 142, 147, 156; Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря // АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 181.3. С. 211; Sapieha J. P. Dziennik 1608—1611 // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. S. 193, 231, 235.

¹⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 132, 137, 177, 182; АИ. Т. 2. № 241; Sapieha J. P. Dziennik 1608—1611. S. 191, 193, 246.

¹⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 134—137, 152—156; Sapieha J. P. Dziennik 1608—1611. S. 191; АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211.

²⁰ Сказание Авраамия Палицына. С. 127, 149, 152, 182—183, 197.

лана 8 октября 1608 г., т. е. 15 дней спустя. Грамоты, направленные Я. П. Сапегой в монастырь с требованием сдать, остались без ответа, в «Сказании» же приведен текст послания властей обителя Я. П. Сапеге и А. Лисовскому. Совет полковников 29 сентября 1608 г. разбирал дело о грабеже слугами царской казны, а не о том, каким образом овладеть монастырем, как пишет келарь.²¹ Не было и четырех штурмов монастыря осенью 1608 г. Из «Выписи» следует, что приступ был только один — 1 ноября. Причем Авраамий Палицын косвенно подтверждает это свидетельство, называя летние приступы 1609 г. вторым и третьим, тогда как по логике — надо бы пятым и шестым.²² Недостоверен и рассказ Авраамия Палицына о шестинедельном артобстреле монастыря калеными ядрами с 3 октября 1608 г. У сапежинцев были большие трудности с артиллерией. Под Троицу они пришли с полевыми орудиями. Осадная пушка была доставлена сюда только 6 октября, т. е. позже указанного келарем срока. В целом артиллерия сапежинцев, по всей вероятности, насчитывала лишь 14 орудий, которые явно не могли противостоять 90 пушкам монастыря. Пищаль, стреляющая калеными ядрами, была привезена в лагерь Я. П. Сапеге накануне штурма 28 июня 1609 г. К ней было всего лишь 8 зарядов, из которых 6 были израсходованы в тот день.²³

Сопоставление текстов «Сказания» и «Повести о приходе польского короля Стефана Батория под град Псков» обнаруживает, что рассказ о совещании полковников, грамота Я. П. Сапеге и А. Лисовского воеводам и ответное послание властей обителя почти дословно заимствованы Авраамием Палицыным из Повести, о чем свидетельствуют приведенные ниже фрагменты.²⁴

Повесть

...и первосовѣтники, всячески розмышляюще: «Коиими образы можем взяти град Псков, и коею хитростию и мудростию уловим...?» (С. 454).

Нынѣ же пишу к вам, жалую вас и снбдя благородие ваше, помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени... (С. 456).

Каая польза человеку возлюбити тма паче свѣта, или паче чти безчестие, или паче свободы горкую работу? (С. 458).

Сказание

...и с первосовѣтниками своими <...> всячески размышляюще и советующе тщетнаа. «Коиими образы, — глаголюще, — возможем взяти Троицкой Сергиев монастырь, или коею хитростию уловити можем?» (С. 134).

Мы же пишем к вам, снабдяще благородие ваше. Помилуйте сами себе: покоритесь великому имени... (С. 135).

Каа бо польза человеку возлюбити тму паче света и преложити лжу на истину и честь на безчестие, и свободу на горкую работу? (С. 137).

Образы Повести, по-видимому, повлияли на сообщения Авраамия Палицына о первой вылазке, уничтожении слобод и служб, крестном целовании, некоторых действиях духовенства, эпизодах артобстрела, расспросных речах пленных и истории казака И. Рязанца.²⁵

О. А. Державина и М. Н. Сперанский выявили параллели и заимствования в «Сказании» из «Повести о взятии Царьграда турками» в рассказах о распределении воинов по стенам, видении столпа огненного, артобстреле, семидневном

²¹ Там же. С. 130, 132, 134—137; АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211; Sapieha J. P. Dziennik 1608—1611. S. 191—193.

²² Сказание Авраамия Палицына. С. 137, 141, 143, 146; АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211.

²³ Сказание Авраамия Палицына. С. 138—139, 150—151; Sapieha J. P. Dziennik 1608—1611. S. 188, 193, 231; Голубинский Я. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. СПб., 1909. С. 160, 296; Сборник Хилкова. № 38.

²⁴ ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 454, 457—458; Сказание Авраамия Палицына. С. 134, 135, 137.

²⁵ ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 400, 460, 428, 442; Сказание Авраамия Палицына. С. 132, 133, 144, 145, 138, 151, 148.

приступе, молитве осажденных и др. Нам удалось установить, что из этого же произведения взято келарем описание утешения иноков:²⁶

Повесть

Мужайтесь и крѣпитесь, и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надѣєю <...> яко да и нас прославит всещедрый Бог... (С. 230).

Сказание

Мужайтесь и крѣпитесь и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надеєю, яко и нас помилует и прославит всещедрый Господь Бог (С. 146).

Приведенные заимствования и параллели относятся к частям текста сочинения Авраамия Палицына, сомнительным самим по себе. В анализируемых текстах «Сказания» практически нет каких-либо конкретных деталей, на основании чего можно заключить, что они являются легендарными и целиком заимствованы из литературных источников, по-видимому, с целью поставить оборону Троицы в один ряд с такими сражениями, как битвы за Константинополь в 1453 г. и Псков в 1581 г.

Проведенный О. А. Державиной разбор композиции «Сказания об осаде» свидетельствует, что собранный материал Авраамий Палицын перерабатывал в духе воинских повестей типа «Повести о взятии Царьграда турками», что повлекло соответствующую группировку и переработку сведений об обороне Троицы. Таким образом, келарь попытался воплотить главную идею «Сказания»: победой защитников Троицы Бог якобы указал путь всем русским людям к спасению от Смуты. Осажденные в Троице, как и все русские люди, якобы за свои грехи подверглись испытанию от Бога, который «попустил» на Россию тушинцев. Пока защитники монастыря, показывая келарю, оставались твердыми в вере и уповали на Бога, они одерживали победы, но затем грехи якобы умножились и вызвали Божий гнев: усиление блокады, заболевания цингой, военные неудачи, которые будто бы очистили гарнизон крепости от грешников, и только покаяние и упование на помощь Бога помогли немногим оставшимся в живых осажденным победить. Обосновывая эти мысли, Авраамий Палицын отнес к осени 1608 г. события зимы 1608/09 г., украсил их легендарными рассказами и таким образом драматизировал накал боев за Троицу в то время и значительно преувеличил успехи защитников монастыря. В повествовании о борьбе за Троицу зимой—весной 1609 г. келарь изменил последовательность событий, представив блокаду, болезни и морозы (октябрь 1608—февраль 1609 гг.) Божьим наказанием за измены казначея Иосифа Девочкина и двух сынов боярских (январь—июнь 1609 г.). Все эти факты свидетельствуют о целенаправленной идейной обработке немногих достоверных данных об обороне Троицы.²⁷

Примечательно, что заимствования из «Повести о приходе Стефана Батория под град Псков» не выходят за рамки «Сказания о пришествии» (9—52-я главы «Истории»), тогда как влияние «Повести о взятии Царьграда турками» прослеживается в «Сказании об осаде» (7—56-й главах). Это наблюдение позволяет предположить, что в работе над «Сказанием о пришествии» Авраамий Палицын использовал в качестве литературных образцов «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков» и «Казанскую историю», а при создании «Сказания об осаде» переработал свое раннее произведение в духе «Повести о взятии

²⁶ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 50—51; Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками в 1453 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 216—219; ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 230; Сказание Авраамия Палицына. С. 146.

²⁷ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 46—47; Сказание Авраамия Палицына. С. 126—128, 157—163, 164—167, 166—169, 177, 190—192; АИ. Т. 2. № 181, 242; Сборник Хилкова. № 14, 18; S a p i e h a J. P. Dziennik 1608—1611. S. 200—201, 229.

Царьграда турками». Литературные образцы, вероятно, были избраны не случайно. «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков» и «Казанская история» воспевали подвиги предков царя Василия Шуйского. Сравнивая осаду Троицы с обороной Пскова, келарь, по-видимому, стремился таким образом показать, какой вклад защитники монастыря внесли в дело спасения страны и Василия Шуйского. Такое идейное содержание произведения было весьма актуальным после освобождения монастыря от тушинцев. Авраамий Палицын, по его словам, начал описание обороны Троицы до низложения Василия Шуйского. Это наблюдение дает основание предположить, что «Сказание о пришествии» написано между 12 января и 17 августа 1610 г. Труд Авраамия Палицына над «Сказанием о пришествии», судя по всему, был прерван бурными событиями 1611—1612 гг., во время которых Авраамий Палицын неоднократно переходил из одного политического лагеря в другой.

«Сказание вкратце о разорении царствующего града Москвы», положенное Авраамием Палицыным в основу 65—70-й глав «Истории», сохранило свое название в заглавии 65-й главы. Текст этой главы является типичным литературным приступом. Окончание сочинения, по-видимому, отразила 70-я глава «Истории», завершающаяся благодарственным обращением к Богу по поводу освобождения столицы и восклицанием «аминь».²⁸ В описываемое в «Сказании» время (осень 1611 г.—лето 1612 г.) Авраамий Палицын был в самой гуще событий земского движения против иноземцев и их приспешников и судил о событиях той поры как очевидец. Вместе с архимандритом Дионисием келарь призывал в окружных грамотах русских людей к единению и выступил посредником между руководителями первого и второго ополчений. Прямое влияние учительной риторики и исторических реалий из этих грамот прослеживается в 65-й и 67-й главах «Истории».²⁹ В главе 67 имеются фрагменты текста, которые автор явно почерпнул из окружных посланий кн. Д. Т. Трубецкого. В окружных грамотах того времени встречаются и росписи бояр и воевод, пришедших из городов на помощь восставшим москвичам, сходные с перечнем из 65-й главы «Истории».³⁰ Сделанные наблюдения свидетельствуют, что в основу «Сказания о разорении Москвы» Авраамий Палицын положил материалы переписки троичских властей с вождями ополчений, городами, которые пополнил собственными наблюдениями и переработал. Единственное свидетельство мемуарного характера, которое попало в эту часть «Истории», — рассказ архиепископа Арсения Елассонского о видении ему св. Сергия во время московской осады.³¹ К сожалению, «Сказание о разорении Москвы» в ранних самостоятельных списках до нас не дошло, поэтому судить о том, какие фрагменты восходят к первоначальному тексту, а какие вошли в повествование при переработке памятника для 65—70-й глав «Истории», весьма проблематично.

Маловероятно, чтобы Авраамий Палицын написал «Сказание о разорении Москвы» в ходе движения земского ополчения в 1611—1612 гг. Слишком много времени и сил у троичских властей в то время уходило на окружные грамоты, переписку и дипломатическую деятельность. Высокие положительные оценки в «Сказании об осаде» основных деятелей земского движения П. Ляпунова,

²⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 211—212, 230.

²⁹ Окружная грамота властей Троице-Сергиева монастыря в октябре 1611 г. // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 275 и др.

³⁰ Грамота ярославцев казанцам март 1611 г. // ААЭ. Т. 2. № 188. С. 323; близкую роспись опубликовал С. А. Белокуров. См.: Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время начала XVII в. М., 1907. С. 59.

³¹ Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 197—198.

Д. Т. Трубецкого и особенно кн. Д. М. Пожарского, К. Минина, которые были вынуждены уйти в тень в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова, дают основание предположить, что наиболее активно Авраамий Палицын работал над произведением после освобождения Москвы ополчениями, в преддверии избирательного земского собора 1613 г. В отличие от других ранних сказаний, вошедших в «Историю», анализируемое произведение в Румянцевской рукописи не имеет богато украшенной заставки первого листа.³² Это наблюдение наводит на мысль, что работа над произведением не была завершена, и оно не было передано автором в триицкую книгописную мастерскую для написания белого экземпляра. Возможно, виной тому избирательный земский собор 1613 г., который в очередной раз круто изменил ход российской истории и спутал первоначальные планы Авраамия Палицына.

В вышедшей несколько лет назад статье, посвященной анализу «Сказания кнх ради грех наказал Господь Бог Россию», мы пришли к выводу, что это произведение является памятником публицистики, который Авраамий Палицын создал в ходе работы избирательного земского собора 1613 г.³³ Сопоставление «Сказания кнх ради грех...» с более ранними памятниками публицистики Смуты: «Сказанием об избрании на царство Бориса Годунова», «Сказанием како отомсти Господь Борису Годунову», «Сказанием еже содеяся в царствующем граде Москве», «Новой повести о преславном Российском царстве», «Плачем о пленении и конечном разорении Московского государства» не выявило текстовых заимствований и параллелей, но Авраамий Палицын явно был знаком с этими сочинениями. Не случайно в центре его повествования те же сюжеты и факты, что описываются в этих произведениях. Правда, оценки зачастую диаметрально противоположны.³⁴

В условиях, когда реальная власть находилась в руках Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского, келарь не решился в открытую агитировать в пользу своего кандидата и дискредитировать его политических противников. Он попытался убедить читателей в том, что Бог наказал Россию Смутой «за грехи русского мира». Он использовал всю силу своего литературного таланта для необычайно острых даже для Смутного времени обличений язв современного ему русского общества. Примечательно, что наиболее острые разоблачения Авраамий Палицын посвятил грехам тушинцев (они заняли почти половину текста произведения), в то время как о грехопадении русских людей в 1610 г. и о движении ополчений автор не сказал ни слова. И это, по-видимому, не случайно. Главным соперником Михаила Романова в борьбе за престол являлся Д. Т. Трубецкой, в биографии которого были темные (он был главой тушинской думы) и светлые страницы (вождь земских ополчений 1611—1613 гг.). Одновременно Авраамий Палицын сознательно умолчал о неблагоприятных поступках Романовых и представил их прошлое только в выгодном свете. К примеру, келарь живо описал страдания Федора Романова (в иночестве Филарета) и его братьев от преследований Бориса Годунова, сообщил о поставлении Филарета митрополитом ростовским и рассказал о его пленении тушинцами. Но при этом ни словом не обмолвился, что репрессии были вызваны заговором Романовых, стремившихся любой ценой заполучить трон, что митрополитом ростовским Филарета назна-

³² Рум. 299, л. 179.

³³ Тюменцев И. О. Датировка и атрибуция первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Вид. СПб., 2000. Т. 27. С. 64—70.

³⁴ К примеру, если в «Сказании об избрании Бориса Годунова на царство» умоление правителя государства иконой Владимирской Божией Матери представлено как явное проявление Божией воли, то в «Сказании кнх ради грех...» — как величайший грех русских людей, с которого началось сползание страны в Смуту.

чил «слуга дьявола» Лжедмитрий I и что, прибыв в Тушино, митрополит стал «патриархом» и играл видную роль при дворе Вора. Умолчал он и об участии И. Н. и М. Ф. Романовых в борьбе против земских ополчений в годы семибоярщины.³⁵

В представлении русских людей того времени идеальный православный царь должен обладать тремя качествами: «боголюбием», «разумом в правлении» и воинскими доблестями. Русские люди, как следует из сочинения Авраамия Палицына, якобы не смогли постичь Божью волю и совершили цепь трагических ошибок, возводя на русский престол недостойных: Бориса Годунова («разумного в царских правлениях, но писания божественного не навьку»), Лжедмитрия I («посланного от сатаны», «Лже-Христа»), Василия Шуйского («от царских полат излюбленного», «никимже от вельмож не перекованого, ни от прочего народа не умоленного», которым «играху яко детищем»). Человеком, обладавшим всеми достоинствами православного государя: твердостью в православной вере, мудростью в государственном управлении и достоинствами военачальника, как показывает келарь, был брат последнего «прирожденного царя» — боярин Федор Никитич Романов («разумный в делах и словесех и твердый в вере христианстей, и знаменитый во всяком добросмыслстве»). Ненавязчиво Авраамий Палицын подвел читателя к мысли, что именно Федора Романова будто бы Бог хотел видеть на русском престоле, и поэтому, когда русские люди избрали царем не его, а Бориса Годунова да еще позволили новому монарху репрессировать Романовых, — началась Смута.³⁶

Михаил Романов, в отличие от отца, не обладал всеми достоинствами православного государя. Он не имел никакого опыта в государственных и военных делах. Вялый, болезненный юноша вырос в условиях постоянного страха за себя и жизнь близких. Он отличался необычайной набожностью и этим сильно напоминал своего дядю — последнего «прирожденного царя» Федора Иоанновича. Авраамий Палицын мастерски использовал это сходство. Вопреки традиционным представлениям о православном монархе келарь идеализировал царя Федора Иоанновича и постарался убедить читателей, что якобы за святость последнего «прирожденного» монарха Бог в 1584—1598 гг. даровал «немятежное земли Русской пребывание». Благодаря благодати Божьей бояре во главе с Борисом Годуновым с успехом справились с военными и административными делами и компенсировали недостатки своего правителя. Не называя имени своего кандидата, келарь незаметно подводил читателей к мысли, что достаточно на русский престол избрать «благочестивого» племянника царя Федора Иоанновича — и Бог дарует России успокоение, а с военными и административными делами справятся бояре.³⁷

Источники свидетельствуют, что такая направленность пропаганды романовского кружка, рассчитанная на членов земского собора, дала некоторые результаты, но не смогла обеспечить победу М. Ф. Романова. Начавшиеся волнения москвичей и казаков, недовольных затянувшимися бесплодными спорами на соборе, по всей видимости, заставили внести в нее коррективы. С народом нельзя было говорить хитроумными иносказаниями и намеками. В ход пошли старые легенды о том, что Федор Иоаннович перед смертью якобы завещал царство Ф. Н. Романову и теперь его необходимо отдать сыну и единственному наследнику боярина — М. Ф. Романову. Эти доводы, не изменив главной идеи, существенно дополнили и конкретизировали аргументацию Авраамия Палицына. Примечательно, что народ требовал избрать М. Ф. Романова «по Божьей

³⁵ Сказание Авраамия Палицына. С. 250—279.

³⁶ Там же. С. 250—252, 261, 265—266, 269, 273.

³⁷ Там же. С. 250, 252.

воле», а когда боярин И. Н. Романов попытался увещевать москвичей и казаков словами: «Михайло Федорович еще млад и не в полном разуме, кому державствовать?», то услышал ответ: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полном разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный, и ты ему крепкий потпор будеши!».³⁸ В конечном счете длительная избирательная кампания при самом активном участии в ней Авраамия Палицына закончилась полной победой приверженцев Романовых.³⁹

В первые месяцы царствования нового царя в троицкой книгописной мастерской было завершено создание «Сказания об избрании на Московское государство М. Ф. Романова», которое позднее составило 71—73-ю главы «Истории». Первый лист произведения, так же как в «Сказании о приходе», «Сказании об осаде» и в «Истории», украшен заставкой.⁴⁰ Текст памятника открывает приступ, а завершает учительное обращение к читателям и восклицание «Аминь». Памятник известен в отдельном списке, который принадлежал Костромскому Ипатьевскому монастырю и был опубликован И. Миловидовым. Помета в конце списка свидетельствует, что он был снят в 1831 г. дьяконом Костромского Троицкого кафедрального собора Н. Смирновым с рукописной книги, взятой у крестьянина с. Тетеринского А. Иванова.⁴¹ Сопоставление текста списка с 71—73-й главами «Истории» в публикации О. А. Державиной обнаруживает, что анализируемый список дает разночтения к Румянцевскому, сходные с Забелинским и Егоровским списками. Поскольку оба эти списка отражают более позднюю редакцию «Истории», можно прийти к заключению, что Ипатьевский список является поздним извлечением из «Истории», а не ранним списком.⁴²

Сравнение текстов «Утвержденной грамоты М. Ф. Романову» и анализируемого «Сказания» не обнаруживает прямых текстовых параллелей. Скорее всего, Авраамий Палицын создавал «Сказание» в дополнение к «Утвержденной грамоте» так, как делали его предшественники, авторы «Сказания об избрании на царство Бориса Годунова» и «Сказания како отомсти Господь Бог Борису Годунову». Будучи активным участником событий, Авраамий Палицын в своем сочинении в учительной форме изложил собственные впечатления о пережитом, при этом не преминул подчеркнуть свою исключительно важную роль в избрании нового царя. Стремясь подчеркнуть мысль, что с избранием М. Романова началась новая эпоха в жизни страны и народа, келарь единственный раз в своем творчестве использовал мартовский стиль, о чем свидетельствуют датировки избрания М. Ф. Романова в феврале 1613 г. — 7120-м и умоление иконой Богоматери 14 марта 1613 г. — 7121 г.⁴³

Благодаря услугам, оказанным новой династии во время избирательной кампании, Авраамий Палицын стал одним из влиятельнейших людей при дворе Михаила Романова, одним из видных публицистов новой династии. Современники иногда называли его «королем», перефразируя слово «келарь». Авраамий Палицын энергично восстанавливал расстроенное во время Смуты хозяйство

³⁸ Повесть о земском соборе 1613 г. // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 457—459.

³⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 230—239; Белокуров С. А. Грамота утвержденная об избрании Михаила Федоровича на престол в 1613 г. М., 1906. С. 43—44; Повесть о земском соборе 1613 г. С. 457—459.

⁴⁰ Рум. 299, л. 208.

⁴¹ Миловидов И. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Кострома, 1887. Вып. 1. С. 1—17.

⁴² Сказание Авраамия Палицына. С. 230—239; Миловидов И. Содержание рукописей... С. 1—17.

⁴³ Сказание Авраамия Палицына. С. 233, 235.

Троицы и добился значительных льгот для монастыря. Одновременно он устранил свои дела и покровительствовал родне, не останавливаясь даже перед злоупотреблениями властью.⁴⁴ Скорее всего, в эти годы он начал работу над второй редакцией сказания об осаде, которое озаглавил «Сказание, что содеявшаяся в Дому Пресвятыя Живоначалныя Троица...». В произведении появился новый приступ из 7—8-й глав «Истории». Текст «Сказания о пришествии» был существенно переработан в духе «Повести о взятии Царьграда турками». Переделывая «Сказание об осаде» для 7—56-й глав «Истории», Авраамий Палицын, по-видимому, нарушил вставками первоначальную нумерацию произведения, забыв согласовать ссылки в 48-й и 55-й главах. В результате в тексте «Истории» появилась несураница.⁴⁵ Главная идея новой редакции произведения, по всей видимости, вытекает из сопоставления автором событий русской Смуты с падением Константинополя. Гибель Второго Рима давала пищу для размышлений над судьбами Третьего Рима — Москвы. Троицкое крепкостоятельство на этом фоне — единственно возможный путь к спасению.

«Сказание о приходе под царствующий град королевича Владислава», использованное Авраамием Палицыным для 74—76-й глав «Истории», было написано келарем вскоре после заключения мира в Троицком селе Деулино 1 декабря 1619 г., но до возвращения из плена Филарета Романова, о чем свидетельствуют хронологические реалии текста.⁴⁶ Примечательно, что первый лист «Сказания», так же как начало «Сказания о разорении Москвы», не украшен богатыми заставками. Однако начинается с нового листа, и заголовок написан киноварью.⁴⁷ «Сказание», как и другие ранние произведения Авраамия Палицына, открывает приступ, а завершает учительное обращение к читателю, которое в последнем абзаце содержит вирши и восклицание «Аминь». Келарь был непосредственным участником событий, поэтому его повествование носит ярко выраженный мемуарный характер, хотя и облечено в форму учительного исторического сочинения. Вероятно, как и «Сказание о разорении Москвы», оно не дошло до книгописной мастерской, куда попало уже в составе «Истории».

Окончание войны с Речью Посполитой и открывшаяся перспектива возвращения из польского плена митрополита Филарета, которого Авраамий Палицын предал во время смоленского посольства в 1610 г., всерьез пошатнуло положение Авраамия при дворе и грозило положить конец его карьере. Видимо, это обстоятельство побудило келаря объединить написанные им ранее произведения в «Историю в память предыдущим родам...» — фундаментальную духовно-историческую эпопею, в которой старательно подчеркнуты заслуги автора перед отечеством и искусно скрыты темные страницы его биографии. Характер Румянцевского списка «Истории» наводит на мысль, что Авраамий Палицын расположил свои готовые сочинения и наброски по хронологии описываемых событий: «Сказание кних ради грех...», «Сказание об осаде», «Сказание о разорении Москвы», «Сказание об избрании М. Ф. Романова» и «Сказание о приходе королевича Владислава» и переработал их в «Историю». Источники позволяют выявить некоторые авторские правки. В первых шести главах — «Сказании ки-

⁴⁴ РГАДА, ф. 281, оп. 1, № 221, 612; оп. 2, № 1898, 2646, 2650—2654; оп. 3, № 9050, 9056. К примеру, Авраамий Палицын, как установил В. И. Буганов, в обход законного владельца «промыслил» Северге Палицыну грамоту на вотчину в Арзамасском уезде (РГАДА, ф. 1209. Столбцы по Арзамасу, д. 22504, ч. 2, л. 260).

⁴⁵ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. С. 52; Сказание Авраамия Палицына. С. 185—187, 202.

⁴⁶ Сказание Авраамия Палицына. С. 239—247.

⁴⁷ Рум. 299, л. 222.

их ради грех...» келарь опустил сюжет с умолением иконой Богородицы Бориса Годунова, так как содержащиеся в нем обличения грехов могли дискредитировать описанное в 72-й главе аналогичное умоление М. Романова и принимавшего в нем активное участие самого Авраамия Палицына.⁴⁸ Между «Сказанием об осаде» и «Сказанием о разорении Москвы» появились «стыковые» главы, такие как глава о гибели Лжедмитрия II, о чем говорит ссылка на «вышепомянутого Касимовского царя», единственный раз отмеченного в 6-й главе «Истории» («Сказание кних ради грех...»)⁴⁹ Существенной стилистической правке подверглось «Сказание о приходе королевича Владислава», о чем говорят различия между Румянцевским и другими списками «Истории».⁵⁰ В заключение Авраамий Палицын написал главу о построении храма в троицком селе Деулине в декабре 1620 г. и послесловие, в котором прямо указал на свое авторство и время завершения работы над «книгой» 1620 г.⁵¹ Тексты и наброски ранних «Сказаний», по-видимому, переплетены по просьбе автора в одну рукопись (Румянцевский список), которую он вместе с другими своими книгами дал вкладом в библиотеку Троице-Сергиева монастыря.

Предпринятые Авраамием Палицыным усилия сохранить свое положение при царском дворе не принесли ожидаемого успеха. Через несколько месяцев после возвращения Филарета Романова из плена Авраамий Палицын оказался старцем Соловецкого монастыря, где провел последние годы жизни. С. И. Кедров, а вслед за ним и Я. Г. Солодкин полагают, что он продолжал заниматься литературным трудом. По предположению Я. Г. Солодкина, именно в это время была создана Соловецкая редакция «Истории». Анализ направления редакторской работы создателя Соловецкого списка «Истории» свидетельствует, что вставки в текст памятника носят ярко выраженный компилятивный характер. Они заимствованы из «Повести како восхити...» и явно не принадлежат перу Авраамия Палицына. Вопрос о литературных занятиях бывшего келаря на Соловках пока остается открытым.⁵²

Проведенный анализ «Истории» Авраамия Палицына подтверждает гипотезу об использовании автором своих ранних произведений, написанных во время Смуты, и позволяет в общих чертах восстановить основные этапы литературного творчества знаменитого троицкого келаря. В первой половине 1610 г. он написал «Сказание о приходе Я. П. Сапеги и А. Лисовского к Троице-Сергиеву монастырю», воспевающее героическую оборону крепости от тушинцев. Его труд был прерван бурными событиями второй половины 1610—1612 гг. В конце 1612 г. публицистическая деятельность Авраамия Палицына в поддержку движения земских ополчений завершилась созданием «Сказания вкратце о разорении царствующего града Москвы». В ходе борьбы за власть на избирательном земском соборе келарь написал «Сказание кних ради грех...», сыгравшее важную роль в избрании М. Романова, а по окончании работы собора — «Сказание об избрании на царство М. Ф. Романова». В 1613—1617 гг. Авраамий Палицын вернулся к работе над сочинением об обороне Троице-Сергиева монастыря. В это время «Сказание о пришествии...» было переработано им в «Сказание, что содеяся в Дому Пресвятыя Живоначальныя Троица» — вторую редакцию «Сказания об осаде» Троице-Сергиева монастыря. В 1618—1619 гг. им было написано «Сказание о приходе королевича Владислава».

⁴⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 251—252, 102, 235.

⁴⁹ Там же. С. 121, 210.

⁵⁰ Там же. С. 239—247.

⁵¹ Там же. С. 248—249.

⁵² Солодкин Я. Г. Соловецкая редакция «Истории» Авраамия Палицына // Литература Древней Руси. М., 1983. Вып. 4. С. 83—95; РНБ, Соловецкое собр., № 43/1502; собр. Толстого, № 43.

В 1619—1620 гг. Авраамий Палицын объединил и переработал все эти произведения в свою знаменитую «Историю в память предыдущим родам...». На разных этапах своего творчества в строгом соответствии с традицией он пользовался разными историческими и литературными источниками, подражал разным литературным образцам, поэтому недавно предпринятые в литературе попытки определить его индивидуальный авторский стиль представляются бесперспективными. Использовать данные Авраамия Палицына, учитывая сложную литературную судьбу его сочинения, в исторических исследованиях необходимо с большой осторожностью после тщательной проверки сведениями из источников, написанных по горячим следам событий.